

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО
ЛЕД. ЧИСТИЛЬЩИК**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ЛЕД.
ЧИСТИЛЬЩИК

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 827

Художник
О. Юдин

Корнев П. Н.

К67 Лед. Чистильщик: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1405-5

Приграничье — вырванный в края вечной стужи кусок нашего мира. Угодить туда может любой, достаточно просто оказаться не в том месте и не в то время, а вот выбраться обратно не под силу ни простым людям, ни сильнейшим колдунам. Но что, если обычный мир и Приграничье свяжет стабильный переход? Как повлияет текущая с той стороны магия на нашу реальность? К каким последствиям приведет подобное воздействие, скольких чудовищ породит? И не придется ли в итоге привлекать к делу чистильщика? А если придется, то справится ли с проблемой Александр Леднев по прозвищу Лед?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1405-5

© Корнев П. Н., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Не жди его смерти, она будет долгой,
Бескровная жизнь не знает срока...

«Агата Кристи»

ПРОЛОГ

Лето. Солнце. Море.

Жара.

Тент. Стул. Пиво.

Счастье.

Ну — почти.

Такое уж человек вредное существо, что при наличии свободного времени способен обнаружить кучу недостатков даже в самой замечательной на первый взгляд ситуации. И я тому прямое подтверждение.

Казалось бы, живи и радуйся, но нет, будто соринка в глаз попала и никак от нее не избавиться. Вроде ерунда, но...

...но море — Черное, а пиво — светлое.

А так хотелось бы развалиться на белоснежном песочке затерянного в Индийском океане островка, попивая при этом черный, как ночь, стаут...

Тропический остров — ха!

Да лет пять назад мне и на Сочи рассчитывать не приходилось! И теплый угол в кабаке вкупе с соточкой водки за счастье прокатывал.

А сейчас совсем зажрался: Черное море не устраивает, Индийский океан подавай!

Тут некстати припомнились холод сугробов, пронзительный ветер и колючая поземка, и как-то сразу стало не по себе. Я поежился и влил в себя остававшееся в пластиковом стаканчике пиво. Светлое и успевшее заметно нагреться, но уж лучше это безвкусное пойло хлебать, чем в Приграничье задницу морозить.

Тяжело вздохнув, я постарался переключиться на нечто

более позитивное и принялся разглядывать накатывавшие на галечный пляж волны.

И все же — хорошо.

Пляж ведомственный, немногочисленный, относительно чистый. Спокойный и даже отчасти скучный, да только какая может быть скука, когда в крови алкоголь играет?

— О чем задумался? — спросил усевшийся напротив невысокий парень с коротким ежиком выгоревших на солнце волос. Мой старинный приятель Алексей Шаров, прошу любить и жаловать.

— Да так. — Я неопределенно пожал плечами, взял один из выставленных на стол стаканчиков и не без удовольствия отпил холодного пива.

— Опять хандришь?

— Не-а, Лех, — фыркнул я, — пиво жду.

— Ну, так ты дождался.

— Так я и пью.

— Лицо попроще сделай, а то люди пугаются.

— На себя посмотри.

— С утра смотрел, нормально все было.

— Ну да, ну да... — усмехнулся я, провожая взглядом рассекавшей волны прогулочный катер. Сделал еще один глоток и вздохнул: — Опять светлое...

— Хорошее пиво, кошерное, — возразил Алексей. — И вообще, чем тебя «Балтика» не устраивает? Две недели нормально пил, а тут — нате выкусите, не нравится ему!

— «Балтика»? — задумался я. — Не было здесь «Балтики» никогда. Я «Б7» брал.

— Ну блин! — Парень даже подавился. — «Б7»! Так это «Балтика» «семерка» и есть!

— Кто бы мог подумать! — хмыкнул я. — Эх, сейчас бы на Сейшелы куда-нибудь или там Мальдивы. И не с этой... этим, — отодвинул запотевший стаканчик в сторону, — а с нормальным темным пивом. Со стаутом каким-нибудь ирландским...

— Сань, сам подумай, откуда у папуасов темное пиво? Думаешь, они «Гиннесс» наливают? Это фантастика, сынок!

— И просто Сейшелы уже фантастика, — поморщился я.

С моим допуском секретности заграничный паспорт

было не получить при всем желании. Ладно хоть на лето в Сочи отпускали — у центра повышения квалификации, где последние пять лет подвизался инструктором, с конца весны и до самой осени наступал мертвый сезон.

Ну в самом деле какая может быть практическая подготовка к переброске в Приграничье, когда в аудитории кондиционеры на полную мощность включены, а за окном жара под тридцать градусов в тени? В такой ситуации у самого внушаемого слушателя неминуемо когнитивный диссонанс возникнет. Ты ему об исчадиях Стужи, вечном холоде и боевых чарах толкуешь, а он по сторонам оглядывается — тепло, светло, бабочки порхают — и как-то сразу перестает во всю эту чертовщину верить.

То ли дело зимой! Попробуй не поверь, когда третий день в тайге без огня кукуешь...

— Ну вот! — сбил меня с мысли Алексей. — Говорю же: фантастика!

— А с другой стороны, — припомнил я суть спора, — слово «глобализация» тебе о чем-нибудь говорит? В следующий раз пустые банки из-под пива сразу не выкидывай, обрати внимание, за сколько тысяч километров его от места употребления изготовили. А в некоторые, прикинь, еще и капсулы с углекислым газом запихивают, чтоб, значит, пена как у разливного была. «Драфт» называется.

— Извращенцы.

— Не скажи. «Гиннесс» баночный, конечно, не ахти, но тот же «Мерфис» весьма и весьма. А кремовый стаут от «Сант Петерс» так и вовсе крут. Это как с «Хеннесси»: марка известная, а коньяк так себе. Но вот от разливного «Гиннесса» я бы сейчас не отказался...

— Какие проблемы? — удивился Шаров. — Поехали в кабак!

— Ну ты сам подумай, — вздохнул я, — вот выбрались мы в Сочи...

— Мы сейчас между Сочи и Адлером, так-то.

— Не суть. Выбрались мы, значит, на море в кои-то веки и будем по барам зависать? В чем прикол?

Леха поднял стаканчик, глянул на меня через янтарного цвета напиток и резонно заметил:

— Это тебя здешнее пиво не устраивает, разве нет?

— Пиво не устраивает меня, а в кабаке ты намылился. Странно, не находишь? И чего не хватает?

Парень сделал длинный глоток, тяжело вздохнул и сознался:

— Женского общества мне не хватает.

— Да ну? — усмехнулся я и демонстративно обвел пляж рукой. — В чем проблема-то? Иди и знакомься!

— Иди и знакомься? Вот так запросто, да? — возмутился парень. — Сань, ты забыл, где мы находимся?

— А чем тебя пляж санатория Министерства обороны как место знакомства не устраивает?

— Издеваешься? — округлил глаза Леха. — Хочешь, чтобы какой-нибудь майор мне сгоряча хозяйство открутил?

— Майоры, они такие... — хохотнул я, и не думая спорить.

Крыть действительно было нечем: юные красавицы здесь находились под неусыпным присмотром мам, симпатичные мамы — под приглядом пап, а в разряд одиноких отдыхающих попадали исключительно дамы предпенсионного возраста.

— Чё ты лыбишься? — возмутился парень. — Блин, с тобой и в кабаке ни с кем толком не познакомишься! Можно и не подходить, так и так отошьют! От тебя даже фанатки «Сумерек» шарахаются! Они-то, дуры, телевизора насмотревшись, о гламурных вампирчиках мечтают, а тут — оба-на! — натуральный упырь и разрыв шаблона! Лысый, да еще и бледный как смерть!

— Знаешь, Леха, вот чья бы корова мычала, — выразительно глянул я на приятеля и потер правое предплечье, на котором лишь благодаря свежему загару бесцветно-белыми линиями выделялись замысловатые символы: выгоревшие, блеклые, непонятные. То ли татуировки, то ли шрамы — так сразу и не разобрать. На самом деле всего понемногу.

— У меня наколки армейские. Здесь с такими, считай, половина, — поморщился парень, который лишь благодаря содействию моих нынешних работодателей из своего пятнадцатилетнего срока отмотал всего три года. — И хватит зубы заговаривать! Едем в кабаке?

— Нет, сидим, морем любимся.

— Блин, мы им уже вторую неделю любимся! Оно у меня в печенках уже! — не выдержал Алексей. — А еще три месяца впереди! И что, каждый день на этот пляж таскаться будем?

— А почему бы и нет? Мне здесь нравится.

Море успокаивало. Позволяло забыть о стране вечной стужи, снега и ветра. Плеском волн подбадривало и тихонько нашептывало: «Ты выбрался!.. Ты выбрался!.. Ты выбрался!..»

И сразу отступала хандра. А если к шуму прибоя добавлялся алкоголь...

— Нравится ему! — завелся парень. — А наш пляж тебя чем не устраивает? Почему то же самое пиво мы на фээсбэшном пляже попить не можем? Я по горам вверх-вниз задолбался сюда таскаться уже! Тебе ж не судьба трамвайчика подождать!

— Во-первых, не трамвайчика, а фуникулера.

— Один хрен.

— Во-вторых, пешие прогулки тебе точно не помешают, хоть жирок растрясешь.

— Очень смешно!

— На то и расчет. — Я приложился к стаканчику и умиротворенно огляделся по сторонам. — А в-третьих, контора из меня круглый год кровь пьет, хоть в отпуске от них отдохну.

— Чего?! — Как раз хлебнувший пива Леха аж поперхнулся. — Кто из кого кровь пьет?! Да тебя там все ненавидят просто!

— Seriously?

— А сам как думаешь? Вот кто тебя просил на обычном марш-броске свободную группу с пейнтбольными маркерами в засаду сажать?

— Что значит — кто просил? Всегда надо быть готовым к неожиданностям! У нас центр повышения квалификации типа, а не курорт. Не фиг расслабляться!

— А перед двухнедельной заброской в тайгу зачем все банки с тушенкой на кошачьи консервы поменял, этикетки переклеив? Кладовщика потом чуть не побили, хорошо хоть на тебя стрелки перевести успел.

— Надо внимательней смотреть, что со склада получа-

ешь. И вообще — какие проблемы? Сожрали и не поморщились! Сплошная экономия вышла.

— Устроят темную, жаловаться не приходи.

— Это из-за червивого мяса бунты случаются, а не из-за замены одного питательного продукта на другой.

Риск огрести люлей, конечно, присутствовал, но менять что-либо в системе обучения я не собирался. А как иначе заставить воспринимать себя всерьез, если преподаешь чистую теорию и фамилия твоя не Макаренко?

Уязвимые места сугробников и ледяных ходоков, правила пользования колдовскими артефактами, отводящие пули амулеты и повадки всяческих тварей — для человека со стороны вся эта чертовщина проходила по разряду бреда сивой кобылы и потому в головах слушателей надолго не задерживалась. В одно ухо влетала, в другое вылетала.

А на мне ведь ответственность! Мне до людей достучаться надо! Махну рукой, не стану под шкуру лезть, и после переброски в Приграничье от группы ножки да рожки останутся, а выжившим придется учиться тому же самому, но в условиях, приближенных к боевым.

— Чего завис? — окликнул меня Леха.

— Да так. — Я допил пиво, отставил пустой стаканчик в сторону и кивнул ему за спину: — Глянь, вон почему наш пляж не люблю.

Алексей обернулся и, заметив шагавшего к шатру высокого, подтянутого господина в белых брюках и светлой рубашке с коротким рукавом, сразу поскущел и принялся охлопывать себя по карманам. Выудив тощую пачку мятых банкнот, он лихорадочно пересчитал деньги и попросил:

— Займи рубль.

— Зачем? — удивился я.

— У меня отпуск, — без обиняков заявил Леха. — Я ума тываю в кабак, а ты с ним сам разбирайся.

— Держи. — Я кинул на стол две пятисотки и усмехнулся: — Дезертир...

Невозмутимо напевая себе под нос:

— «Самый правильный и модный на курорте отдых водный. Парходами гудит морской вокзал...», — мой прия-

тель спрятал деньги в карман и начал пробираться на выход. — Звони, если что.

— Вали, — отмахнулся я, начиная жалеть, что не согласился прошвырнуться по кабакам. Досиделся на свою голову! Если уж господин Шептало самолично в Сочи появился, точно, какой-то геморрой приключился. Как ни крути, в случае рабочей необходимости меня и простым телефонным звонком могли из отпуска выдернуть.

Но обеспокоенности я выказывать не стал и безмятежно улыбнулся:

— Владимир Николаевич! Какими судьбами?

Курировавший деятельность нашего учебного заведения Владимир Николаевич Шептало спрятался от палящих лучей солнца под тент, носовым платком вытер пот со лба и вполне ожидаемо заявил:

— Вас разыскиваю, Александр Сергеевич.

Я отметил покрасневшее от свежего загара лицо и немного расслабился. Владимир Николаевич на югах точно не первый день, а значит, и сам тут на отдыхе. К тому же компанию ему составила стройная симпатичная дамочка лет тридцати. Жена или любовница — не суть важно; главное, что в присутствии посторонних речь о серьезных делах точно не пойдет.

И это радовало. Пусть должность господина Шептало и была сформулирована на редкость расплывчато, но именно он, подобно одноименной детали ударно-спускового механизма, удерживал руководство центра во взведенном состоянии.

Куратор, блин...

— Присаживайтесь, Владимир Николаевич, в ногах правды нет, — вздохнул я, даже не пытаясь сделать вид, будто рад его визиту.

— Знакомься, — указал куратор на свою спутницу, — Алена Евгеньевна Зимина, начальник отдела энергоэффективности и перспективных источников энергии нашего НИИ.

— Очень приятно, — улыбнулся я на этот раз без малейшей фальши. Действительно — приятно.

Худошавая, загорелая, с привлекательным и неглупым на

вид лицом. Светлые волосы до плеч, легонький сарафан, бо-соножки, безымянный палец обхватила золотая полоска обручального кольца. А взгляд серых глаз какой-то совершенно несерьезный и более того — слегка насмешливый.

Это еще с какой стати? Обычно люди на человека моей внешности несколько иначе реагируют.

— Вижу, твой товарищ поспешил нас покинуть? — с явственно прозвучавшей в голосе ехидцей поинтересовался Владимир Николаевич, придвигая к столу третий стул.

— У него срочные дела в городе возникли. Внезапно.

— Удачно получилось.

— Да? Вообще-то у меня тоже... дела, — поспешил предупредить я и вдруг понял, что все это время паялился на оттягивавшую легкую ткань сарафана грудь Алены Евгеньевны. Перевел взгляд на ее лицо и немедленно заслужил этим еще одну ироничную улыбку.

— Все твои дела, — Владимир Николаевич развернул свой стул к морю и закинул ногу на ногу, — это пить пиво и предаваться праздному безделью.

— А хоть бы и так. Отпуск для этого и создан. У меня ведь отпуск?

— Не совсем, — качнул головой куратор. — Возникла небольшая проблема, требующая твоего присутствия в Ямгороде...

— Небольшая? И ради этой небольшой проблемы вы самолично прилетели за мной в Сочи?

— Вообще-то у нас тоже отпуск, — вздохнула Алена Евгеньевна. — Был...

— Рад за вас, — буркнул я.

— А за себя?

— За себя не очень. Что там стряслось такого неотложного?

В отличие от запрятанного в тайгу центра повышения квалификации наша головная контора, носившая гордое наименование НИИ УПТ ПС ФСБ РФ, или же Научно-исследовательский институт уникальных природных территорий при Пограничной службе Федеральной службы безопасности, располагалась в Ямгороде. И перенести ее куда-либо из города с миллионным населением не было совершенно никакой возможности, поскольку институт изначально создавался

для обеспечения нормальной работы портала в Приграничье. А тот, в свою очередь, был крепко-накрепко завязан на один очень непростой нож, воткнутый в землю в санитарной зоне металлургического комбината. Впрочем, не будем о грустном...

— В том, чтостряслось... — поморщился Владимир Николаевич, явно не придя в восторг от такого определения, — тебе придется разобраться на месте.

— Ну уж нет, — твердо заявил я. Менять отпуск у моря на командировку в родной город желания не было ни малейшего. — Не имеете права.

— После отгуляешь.

— И не подумаю.

— Алена Евгеньевна...

Девушка достала из пляжной сумочки пластиковый файл и передвинула его через стол. Я с некоторой долей опаски вытащил из него пачку фотографий, глянул одну, вторую, третью... не удержался от брезгливой гримасы и уточнил:

— Где?

— Лесопарк неподалеку от первого корпуса госуниверситета.

— Когда?

— Вчера.

— Мать вашу, вашу ж мать... — тихонько протянул я себе под нос и обреченно спросил: — Каким рейсом вылетаем?

ГЛАВА 1

Самолет приземлился в Ямгороде в четыре сорок. Утра, разумеется. Во сколько вылетали из Адлера, и вспомнить тошно. Вся ночь коту под хвост. И там не поспал, и здесь уже светает.

А ведь, казалось бы, — ну какие проблемы? Сел в самолет, опустил спинку кресла и сопи в две дырочки.

Никаких проблем, но — не вышло. Слишком уж нервишки пошаливали. И пошаливали они вовсе не из-за боязни перелетов — обычно еще до набора высоты отрубаясь, — нет, покоя не давали фотографии.

Слишком уж остро они напомнили о моем не слишком веселом житье-бытье в Приграничье, этом провалившемся в края вечной стужи куске нашего мира. Ни там — где бы это «там» ни находилось, — ни здесь. Между.

Магия, исчадия Стужи, бандиты, недалеко ушедшие от бандитов власти, и — холод. Постоянный выматывающий холод в душе, прогнать который не могли ни девки, ни водка...

От нелегких раздумий меня отвлек несильный толчок, с которым шасси соприкоснулись со взлетно-посадочной полосой, и последовавшие за ним жидкие аплодисменты пассажиров. Бортпроводница традиционно призвала всех не вставать с мест до полной остановки самолета, и тут же со всех сторон послышался металлический лязг пряжек.

— Подымайся, — заторопился Владимир Николаевич и выдернул наушник у сидевшей с другой стороны Алены Евгеньевны. — Шевелитесь!

— Команды не было, — зевнул я.

— Вставай, говорю!

Только хмыкнув, я откинул подлокотник, выбрался в

проход и не успел еще достать свои вещи, как рядом оказалась бортпроводница. Но вместо ожидаемого нагоняя симпатичная девушка одарила меня милой улыбкой и указала в сторону кабины:

— Проходите, вас ожидают.

Я закинул на плечо лямку рюкзака и зашагал на выход. Спустился по трапу и озадаченно обернулся к тащившему пару объемных сумок Владимиру Николаевичу.

— Это за нами, — указал тот на подогнанный к самолету черный внедорожник с наглухо тонированными стеклами.

И действительно, водитель немедленно выбрался со своего места, распахнул заднюю дверцу и принялся загружать в салон поклажу Владимира Николаевича. Я утруждать парня не стал и забрался на заднее сиденье вместе с рюкзаком. Алена Евгеньевна уселась рядом, куратор занял место впереди, и мы отправились в путь.

Плавню набравший ход автомобиль беспрепятственно покинул территорию аэропорта, вывернул на пустую трассу и помчался к городу. После бессонной ночи меня моментально укачало, глаза начали закрываться сами собой, и, устав клевать носом, я попросил:

— Может, радио послушаем?

Водитель послушно включил приемник, но там, как на грех, передавали выпуск новостей, и от монотонного голоса диктора спать захотелось только сильней.

— В ближайшее время: джазовый фестиваль, штормовое предупреждение и дерзкое ограбление коммерческого банка. Начнем с криминальной хроники. Вчера вечером неизвестные в масках, угрожая оружием, похитили свыше пяти миллионов рублей из отделения коммерческого банка, расположенного на пересечении проспекта Революции и улицы Карла Маркса. Несмотря на оперативное прибытие наряда полиции, злоумышленникам удалось скрыться. За последнее время это уже...

Узнать, что еще стряслось в городе за последнее время не получилось, — Шептало выключил радио и обернулся к нам с Аленой Евгеньевной:

— Со всеми материалами ознакомились? Какие будут выводы?

— Прямо сейчас об этом говорить собираетесь? — удивился я.

— Не волнуйся, у Виталия, — указал куратор на водителя, — есть соответствующий допуск.

— Рад за Виталия, конечно, — фыркнул я, — но сейчас пять утра, если что. Может, днем соберемся? На свежую голову? Спешка, она только...

— Ты документы смотрел или нет? — резко перебил меня Шептало. — В этот раз нам по чистой случайности удалось взять ситуацию под контроль, в следующий раз так уже не повезет! Представляешь, чем это может быть чревато?

— Представляю, а как же!

— Тогда не трать время на пустые пререкания!

— Ничего я не трачу, — вздохнул я, не желая признавать, что лишь мельком пролистал выданную куратором толстенную стопку распечаток. — Ну и какие у вас есть предположения?

— А какие могут быть предположения? — помрачнел Владимир Николаевич. — Человеку сотворить такое не по силам, следовательно, в город проник кто-то из обитателей Приграничья.

— Каким образом это могло произойти?

— Портал работает нестабильно, — впервые нарушила молчание Алена Евгеньевна. — При относительно постоянном энергопотреблении его пропускная способность скачет в пределах тридцати процентов. Мы связывали это с неоднородностью встречного потока магической энергии, но, возможно, дело также в случайном захвате и переброске материи.

— Переброске двусторонней или односторонней? — уточнил я, нервно глянув в боковое окно. Хоть автомобиль уже и въехал в черту города, водитель продолжал гнать по пустынным улицам, не снижая скорости. Лихач, блин...

— Пока эта гипотеза не получила подтверждения, — предупредил Владимир Петрович.

— В самом деле? — Я потер кончик носа и повернулся к девушке. — А что наука по этому поводу думает? Гипотетически, разумеется?

— Нам не удалось прийти к однозначному мнению...

— Мне кажется или вы чего-то недоговариваете?

Шептало смерил меня раздраженным взглядом и неохотно произнес:

— С момента запуска портала ежегодное количество пропавших без вести увеличилось по Ямгороду на сорок четыре процента, в то время как цифры по региону в целом остались неизменны. При этом примерно каждый двадцатый пропавший впоследствии обнаруживается в Приграничье, чего раньше не фиксировалось.

— Хм... — задумался я, проводя в голове несложные расчеты. — Пропадать стало на сорок четыре процента больше, обнаруживается на той стороне только семь. Если дело исключительно в работе установки, куда деваются остальные?

— Науке это не известно, — мило улыбнулась Алена Евгеньевна. — Но раз жители города стали чаще попадать в Приграничье, то логично предположить, что граница стала проницаема в обе стороны...

— И чего вы тогда от меня хотите, если сами ничего не понимаете?

— Осмотришься на месте, — объявил куратор.

— А смысл?

— Приборы зафиксировали там некие энергетические аномалии, — произнесла Зимина, — и учитывая твой опыт...

Я задумчиво кивнул. За последние годы находить «окна» — спонтанные переходы в Приграничье, — мне доводилось неоднократно. Что называется, собаку на этом съел. Но приборы?

Что еще за приборы?

— Что за приборы? — не сдержал я любопытства.

— Мы используем экспериментальные устройства по беспроводной передаче энергии.

— Честно говоря, не шибко понятней стало.

Алена Евгеньевна тяжело вздохнула, печально глянула на куратора и попыталась объяснить на пальцах:

— Есть передатчик, есть ресивер, есть нормы потерь энергии на километр. В данном конкретном случае расход получается почти в два раза больше.

— И о чем это говорит? — спросил я и вновь посмотрел в окно. Внедорожник миновал плотину и, свернув с дороги на берег реки, затрясся на колдобинах.

— Вот ты нам об этом и скажешь. Для этого тебя и привлекли, — заявил Владимир Николаевич. — Кто у нас эксперт по всякой чертовщине, а?

— Эксперт, как же, — невесело усмехнулся я и ухватился за ручку над головой, принаравливаясь к тряске автомобиля. — Больше ничего не хотите рассказать?

— Тебе передали полный пакет документов. Если ты не удосужился с ними ознакомиться, это твои проблемы. А теперь, будь добр, перестань ныть.

Я задумался, как бы в цензурной форме выразить свое неодобрение столь неконструктивной позицией, но решил не нарываться на конфликт и вместо этого потребовал:

— Задачу поставьте конкретно.

— Для начала просто осмотришь на месте. Еще вопросы?

— У матросов нет вопросов, — пробурчал я и откинулся на сиденье.

Тут деревья отступили от дороги, и внедорожник выкатил к реке, которая дугой огибала песчаный мыс на том берегу. У нас спуск к воде был более крутым и каменистым, а немного дальше и вовсе начиналась заросшая камышом болотина с плававшими меж ряски пластиковыми бутылками, окурками и прочими приметамы популярного места отдыха горожан.

Водитель заглушил двигатель; я распахнул дверцу и выбрался наружу. Место было знакомое — в свое время частенько ходил сюда с друзьями купаться. В жару песчаный пляж засеивали многочисленные отдыхающие, да и с этой стороны их обычно тоже хватало.

И чтоб никто ничего не заметил? Буквально ведь в двадцати метрах...

— Какая погода была вчера, нет, уже позавчера? — спросил я у Владимира Николаевича.

— Жарко, — односложно ответил тот.

— И никто ничего не видел?

— Нет.

— Серьезно?

— А сам как думаешь?

— Да уж... Кто нашел тело?

— Отдыхающие. Думали, утопленник, вызвали полицию. Нам информация уже из ГУВД поступила.

Я забрал у куратора пачку фотографий, глянул на лежавший лицом вниз труп в разорванной и окровавленной одежде и завертел головой по сторонам.

— Где именно его нашли?

— Вон в тех камышах, — указал Шептало через реку.

— Принесло течением?

— В камышах течения нет.

— Аргумент, — согласился я и убрал снимок вниз стопки.

Дальше не лучше, дальше — изувеченное ударом когтистой лапы лицо. Рваная рана спускалась со лба на скулу, левый глаз вытек, нос свернут. Рука оказалась перекушена, а в боку зияла дыра, словно кто-то пытался вырвать печень, но немного промахнулся и запутался в кишках.

И что интересно: сизые ленты тянулись от тела к берегу, но там, по словам куратора, не обнаружилось ни следов борьбы, ни брызг крови. Будто тело из ниоткуда выпало.

Что-то мне это напоминает, нет?

— Как думаешь, — задумчиво уставился вдаль вставший рядом Владимир Николаевич, — это мог быть кто-то с той стороны?

Я поморщился:

— Это не мог быть никто с этой стороны.

Удар по лицу — ерунда, в пьяном угаре люди и не на такое способны. Вцепиться в запястье теоретически могла какая-нибудь здоровенная псина, но вот дыра в боку... Сложно представить, чтобы такое сотворил голыми руками пьяный дебошир или агрессивный собаковод. Там ведь не ножом резали, нет — по живому рвали.

— Ну и?

— А скажите, товарищ Шептало, с чего контора вообще на этот случай внимание обратила? И не через неделю, не через месяц, а вот так оперативно?

— А есть разница?

— Возникает, знаете ли, подозрение, что вы не до конца со мной откровенны. А это нехорошо.

— Не говори ерунды, — нахмурился куратор. — У нас,

возможно, какая-то потусторонняя тварь в реке завелась, а ты демагогию разводите начинаешь!

— Не давите на меня, Владимир Николаевич. Не стоит. Оно ничем хорошим ни для кого обычно не заканчивается.

— А не много на себя берете, Александр Сергеевич?

Я хотел было напомнить о судьбе его столь же самоуверенного тезки, но вовремя прикусил язык и только буркнул:

— В какое именно время пропал потерпевший?

— Позавчера утром его видели последний раз. И пропал он не один. С ним двое приятелей было. Остальные до сих пор не найдены.

— Час от часу не легче, — вздохнул я. — Это, конечно, кое-что объясняет, но концы с концами все же не сходятся.

— В смысле? — удивился куратор.

— У каждой твари есть свой «модус операнди», от которого она никогда не отходит. Это человек, сука, личность творческая, а хищникам лишь бы брюхо набить. На заболоченном участке можно было бы грешить на вурдалака или кикимору, но здесь-то самое течение. К тому же нападение, судя по всему, произошло на берегу, а следов волочения нет. Кишки только на пару метров тянутся и все.

— И о чем это, по-твоему, говорит?

— Большинство тварей старается задавить жертву по-тихому и сразу уволочь в логово, пока конкуренты не набежали. Ну или самые вкусные куски на месте сожрать. — Алена Евгеньевна при этих словах явственно побледнела. — А тут удар по голове, рука перекушена. С потрохами вообще не пойми что сотворили. Обычно некая узкая специализация сразу проглядывается, а здесь будто развлекался кто.

— Так есть какие-нибудь предположения, кто это мог быть, или нет?

— Предположения есть, — вздохнул я, — но все они вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Потому как имеется один нюанс...

— Какой еще нюанс?

— Ни один обитатель Приграничья не может прожить без магической энергии сколь бы то ни было продолжительное время. Без нее даже обычные колдуны с катушек съезжают, что уж тогда об исчадиях Стужи говорить? Попади эти твари

в обычный мир, их бы не поиск еды интересовал, а как ласты не склеить.

— Исключения возможны?

— Если только где-то поблизости «окно» открыто и оттуда подпитка идет, — произнес я, задумчиво разглядывая противоположный берег. — Ладно, осмотрюсь на месте, может, что и прояснится. Да! Вы с какой целью на эту сторону приехали? Туда ведь тоже дорога есть.

— Дело в том, — вступила в разговор Алена Евгеньевна, — что наши приборы улавливают непонятную энергетическую аномалию исключительно с этого берега. А там все работает в штатном режиме. Мне это показалось важным...

— Ох уж эти ваши приборы, — покачал я головой и направился к реке. По невысокой траве спустился к воде, присел на корточки, прислушался.

Тихо; тянет свежестью. Вода течет совершенно бесшумно, и даже обычного для раннего утра птичьего гомона не слышно. Странное ощущение, будто к самому краю какого-то другого мира подступил. Но нет ведь открытого «окна» поблизости! Точно — нет! У меня на такие вещи нюх почище, чем у ишейки на наркоту.

Я потрогал воду и поежился, когда холод обжег кисть куда сильнее, чем того стоило ожидать от летнего утра. Ломота осторожно растеклась по запястью, после медленно, будто дожидаясь разрешения, толкнулась вверх, но сразу отступила — словно ничего и не было.

Да и было ли?

Не обнаружась позавчера метрах в тридцати отсюда изувеченный труп, на такой пустык даже внимания бы не обратил, но, как говорят, история не знает сослагательного наклонения. Похоже, и в самом деле некая аномалия здесь присутствует.

Аномалия — да...

— А вот скажите, Алена Евгеньевна, — вытирая руки о штанину, отошел я от берега обратно к автомобилю, — вы до этого свои приборы через водные препятствия тестировали?

— Ну разумеется! — оскорбилась Зиминая.

— И?

— Никакого отношения к обнаруженной здесь энергетической аномалии река не имеет!

— Ладно, возможно, на том берегу какая-то конкретика появится.

— Вперед, — улыбнулся Владимир Николаевич.

— Что значит — вперед? Поехали!

Алена Евгеньевна только улыбнулась.

— В целях сохранения чистоты эксперимента заходить следует с этой стороны, — огорошила она меня. — Мы решили, что, если источник аномалии расположен непосредственно над водой, по-другому обнаружить его не получится...

— Вы обалдели, что ли? — опешил я. — Вы мне в речку лезть предлагаете?!

— Тут неглубоко, — невозмутимо заметил Владимир Николаевич. — Тебе по грудь будет.

— Простужусь же на фиг!

— Вода сейчас уже теплая, а мы полотенце захватили и коньяк. Лодку надувную не стали брать из-за сильного течения. Снесет.

Я в ответ лишь беззвучно выругался и вернулся к реке.

Захотелось послать всех подальше, но что впустую сотрясать воздух? Приказ есть приказ, да и своя логика в подобном предположении имелась. Вдруг действительно «окно» akurat посередине реки открылось, а из-за текущей воды его с берега почувствовать не удастся? Шанс мизерный, конечно, но вдруг?

Разувшись, я подтянул штанины и осторожно ступил в воду.

Брр! Холодно!

Ежась, вышел на берег и без особой спешки начал расстегивать штормовку...

— Не тяни! — поторопил меня Владимир Николаевич, резонно опасаясь, что могу и передумать.

— А кто тянет? Не тянет никто... — ответил я и продолжил раздеваться столь же неторопливо, как и раньше.

На лице Шептало аж желваки заходили. Ничего, переберется. Не собачка дрессированная, чтобы по щелчку паль-

цев в горящий обруч прыгать. Или это львы прыгают? Да без разницы в общем-то. Виталия вон своего пусть строит.

А тот как раз отошел от внедорожника с явным намерением выкинуть окурок в воду, но поймал раздраженный взгляд начальника и сделал вид, будто просто разминал ноги.

— И как кеды? — заинтересовался он моей обувкой, убрав докуренную сигарету в пачку. — Удобные?

— Это сникеры, — ответил я и как бы невзначай присмотрелся к парню.

Крепкий, спортивный, роста среднего, внешности славянской. Торчащие коротким ежиком волосы русые, нос прямой, особые приметы в глаза не бросаются.

Нет, не пересекались раньше.

— Хорошо хоть не сникерсы, — сострил Виталий и повторил вопрос: — Удобные?

— Нормальные.

— «Лайф фаст», — опустившись на корточки, прочитал водитель надпись на заднике и с усмешкой продолжил небезызвестное высказывание: — Дай янг?

— Это уж как получится.

— А что за «Аффликшн»?

— Виталий! — одернул водителя Владимир Николаевич. — Не отвлекай товарища!

Я кинул штаны поверх штормовки и, оставшись в одних лишь семейных трусах, неуверенно супил в холодную воду. Шагнул раз, другой, представил, каково придется, когда зайду по пояс, и зябко поежился.

А потом, как гром среди ясного неба, в голове полыхнула мысль: «Куда ты, на хрен, собрался, придурок?»

Совсем от спокойной жизни нюх потерял?! Ладно, если никакой аномалии нет, а вдруг — есть? Вот провалишься на ту сторону практически голым, весело будет?

Не провалишься? Точно?

Неужто забыл, как первый раз влип?

Тогда все началось с тишины, точнее — со смолкшего перестука колес. А в остальном ничего особо не изменилось. Негромкие разговоры, шлепки карт, толчея у туалета.

Вот именно — у туалета. Туда я, собственно, и направлялся. И вдруг остановка.

Нехорошо получилось. Мочевой пузырь поджимал, а всякому хоть раз путешествовавшему поездом человеку прекрасно известно: туалеты на время стоянок запирают, дабы пассажиры не гадили в пределах населенных пунктов.

Ух, как скрутило!

Я выудил из кармана кожаной куртки мятые десятки и, на ходу пересчитывая деньги, начал проталкиваться к выходу. Раз уж такая оказия вышла, облегчусь на станции, заодно и пива куплю.

Соскочив на перрон, я поежился из-за ни с того ни с сего накатившего озноба и запахнул расстегнутую куртку. Машинально вытащил из кармана вязаную шапочку и только тогда обратил внимание на захрустевший под ногами снег.

И это в сентябре?! Ну и дела!

Удивляясь отсутствию на перроне неизменных бабулек со снедью, я направился к зданию станции, но тут же заметил темневшие пустыми провалами выбитые окна и остановился.

Это еще как понимать? Мы у заброшенной платформы остановились? С какого перепугу?

Решив убраться отсюда подобру-поздорову, я развернулся и на какое-то время просто впал в ступор: поезд как сквозь землю провалился. Ни вагонов, ни локомотива. Кругом лишь заснеженные поля, да серая стена уже облетевших на зиму деревьев.

Какого хрена?! Сердце у меня так и екнуло.

Подскочив к краю перрона, глянул вниз и обалдел окончательно: рельсы тоже исчезли! Более того — испачканные масляными пятнами шпалы, из которых кто-то хозяйственный повыдергивал все железные костыли, местами припорошил нетронутый снежок.

Что за бред?!

Где я? Куда, мать вашу, я попал?!

Что за чертовщина?!

В груди противно закололо; я несколько раз глубоко вздохнул и постарался взять себя в руки. Должно же быть какое-то рациональное объяснение случившемуся, должно!

Ведь если начинает казаться, будто мир сошел с ума, это еще не говорит о том, что мир действительно сошел с ума. В первую очередь стоит припомнить, сколько ты выпил. Ну или выкурил.

Куриль я ничего не курил, употреблял только пиво. И употребил его явно недостаточно, чтобы грешить на хмельной напиток. Только вот своих собутыльников видел первый раз в жизни, а когда пьешь с кем попало, надо быть готовым к любым неожиданностям.

Могли мне что-нибудь в пиво подсыпать? Да запросто! И не со зла даже, а просто шутки ради. Повеселиться за чужой счет любителей хватает, а человеку с моим весом — трех таблеток того же тарена за глаза хватит.

Но поскольку на наркотическую галлюцинацию происходящее нисколько не походило, то логично предположить, что под воздействием некоего препарата я сошел с поезда и заблудился. Теперь вот отпускать начало...

Убеждая себя, что ничего страшного не произошло, я отошел к ближайшим кустам, облегчился и вернулся на перрон. Немеющими от холода пальцами застегнулся, задумчиво огляделся и тяжело вздохнул.

Ну и куда двинуть? Направо? Налево?

— Ау! — Женский крик заставил вздрогнуть. — Эй! Есть здесь кто-нибудь?

— Есть! — хрипло откликнулся я.

— Привет! — Из-за билетных касс выбежала девчонка лет двадцати в коротенькой курточке с меховым воротником, джинсах и кожаных сапожках. — Уф, хоть кого-то нашла! А то думала, совсем одна тут! Чуть не чокнулась! Меня Катей зовут!

— Александр, — пробормотал я, понимая, что с появлением девушки версия о подсыпанном в пиво наркотике накрылась медным тазом. — Слушай, ты как сюда попала?

— Я с поезда сошла, а здесь все заброшено...

— «Уфа — Нижневартовск»?

— Да, в Сургут к родителям из Екатеринбургa еду. Училась там.

— Я тоже в Сургут. Ехал. Вагон третий был?

— Нет, седьмой. А что? — удивилась Катя. — Ты вопросы какие-то странные задаешь.

— На рельсы глянь, — посоветовал я.

Девушка подошла к краю перрона, посмотрела вниз и неожиданно крепко выматерилась.

— Извини, — тут же обернулась она. — Проживание в общежитии сказывается...

— Забей, — махнул я рукой.

Катя достала из кармана пачку сигарет, взяла себе, протянула мне. Я отказываться не стал, но стоило затянуться, как легкие начал рвать резкий кашель.

— Не куришь? — догадалась девушка.

— По такому поводу можно и закурить. — Я сделал еще одну затяжку и, будто оправдываясь, пояснил: — У меня хронический бронхит, но такая фигня сейчас уже как-то даже не волнует...

— Вот это мы с тобой влипли! — кивнула Катя.

— Ты ничего не употребляла в поезде?

— Ничего крепче чая, — сразу поняла мой намек девушка. — С семейными ехала...

— Беда, — ежась от кусачего морозца, пробормотал я и выкинул недокуренную сигарету в снег. — Слушай, надо как-то выбираться отсюда...

— Темнеет уже. — Катя затянулась и алой точкой окурка ткнула в хмурое небо. — Нам бы ночь где-то переждать...

Где-то? Выбор на самом деле невелик.

Я глянул на билетные кассы и решил, что должен взять инициативу на себя. В конце концов, мужик я или нет?

— Идем! — потянул девушку за собой.

Дернул ручку — заперто, пнул дверь — не шелохнулась даже. Окна разбиты, но на них решетки. А остальные строения чистые развалюхи; ветер сильнее дунет, и обрушатся.

— Подожди, — попросил я Катю и отправился на задворки.

Порыскав там какое-то время, я вернулся с найденным в куче хлама тяжеленным ржавым гвоздодером. Холодное железо обжигало ладони, и пришлось перехватить инструмент, обвернув его рукавом куртки. Неудобно, зато пальцы не обморожу.

Вогнав изогнутый конец гвоздодера меж дверным полотном и косяком, я приналег, и трухлявое дерево не выдержало: хрясь — и пусть свободен.

— Ой, Александр, ты такой молодец! — обрадовалась Катя.

— Да просто Саша, — смутился я, настороженно заглядывая в темное помещение билетных касс.

Пусто, пыльно, холодно. Но зато здесь от ветра укрыться можно и костер развести не проблема. Только мебель на распродажу не сгодится — сплошные пластик и ДСП.

— Саш, может, огонь разожжем? — будто прочитала мои мысли переступившая через порог девушка.

— Конечно, — кивнул я. — И окна чем-нибудь закрыть надо...

— Как думаешь, подойдет? — ткнула Катя носком сапожка стоявшую у входа здоровенную картонную коробку, заполненную всяким хламом.

— Вполне, — кивнул я и отправился на поиски дров.

Пока выламывал гвоздодером деревянные брусья стоявших на улице скамеек и таскал обломки в комнатушку, девушка прикрыла оконные решетки картонными листами распотрошенной коробки, и в итоге мне осталось лишь выбрать с пола бумажку посуше, придавить ее щепками и запалить одолженной у девушки зажигалкой.

— Хоть какая-то польза от курения, — невесело рассмеялась Катя.

— И не говори. А то бы трением до утра огонь добывали, — улыбнулся я. Дождался, пока языки пламени перекинутся на щепки потолка и подложил в костер обломок бруса. Сам отошел к двери и задумчиво оглядел вывороченный косяк. На душе было тревожно, и мысль о том, что придется ночевать в незапертом помещении, мягко говоря, не радовала.

И ведь открывается наружу — не подпереть!

В итоге я просунул один из заготовленных на дрова брусьев в намертво привинченную к полотну ручку и тот гигантским засовом заблокировал дверь. Толкнул — не открывается. Порядок.

Вернувшись к девушке, я устроил изогнутый конец гвоздодера меж полыхавших поленьев — хоть руки не так моро-

зять будет! — и вытянул к огню озябшие и покрасневшие от холода ладони. Сразу стало теплее, но по ногам так и тянуло ледяным сквозняком.

— Слушай, Катя, как думаешь — где мы? — спросил я, не желая сидеть в тишине. Треск поленьев, шум дыхания — это не то. Важны слова, голоса. Лишь они могли отпугнуть притаившуюся за окнами ночь.

— Не знаю, — быстро ответила та. — Не знаю, и думать об этом не хочу. До утра бы дожить...

— Доживем! — со всей возможной в этой ситуации уверенностью заявил я.

Постепенно воздух в комнатухе начал прогреваться; девушка откинула с головы капюшон, и я залюбовался тонкими чертами ее лица. Отсветы огня играли на рыжеватых волосах, превращая их то в расплавленное золото, то в красную медь, а в зеленых глазах мелькали изумрудные огоньки.

— Так ты к родителям ехала?

— Да как-то с работой не заладилось.

— У меня тоже, — вздохнул я, хотя на деле после получения диплома озаботиться поисками нормального места просто не удосужился. — Друзья на Север позвали. Говорят, чё ты как лох, хоть на машину заработаешь. А у меня даже прав нет — зачем мне эта машина? Но согласился вот, на свою голову...

— За компанию? — догадалась Катя.

— Ага. Только друзья раньше уехали, а я...

— Слушай! — насторожилась вдруг девушка.

— Что?

— Ничего не слышал?

— Нет.

— Будто шуршало что-то.

— Может, мыши?

— Боюсь мышей, — поежилась Катя.

— Не бойся, покараулю пока. — И хоть огонь и не думал затухать, я подкинул в костер сразу несколько обломков расщепленного бруса.

Просто беспокойство девушки передалось и мне. Невесть с чего почудилось, будто под покровом темноты к би-

летным кассам подобралось неведомое чудовище, и по спине побежали колючие мурашки.

Вот — нечто темное заглядывает в окно, вот — оно ходит кругами, выискивая путь внутрь. Гладит призрачными когтями хлипкую дверь, вздыхает...

Ветер, это всего лишь ветер.

Натянув на голову капюшон куртки, девушка напряженно уставилась в костер; я поежился и постарался выкинуть из головы ожившие с наступлением темноты страхи.

Без толку — воображение и не думало униматься, а ночь подкидывала все новые и новые поводы для беспокойства.

Тут скрипнут оконные решетки, там зашебаршит осыпающаяся со стены побелка. В дальнем углу — недовольное шипение, на крыше — непонятный шорох. А еще время от времени легонько потрескивало дверное полотно, будто снаружи на него навалилась неведомая сила, жаждущая добраться до двух перепуганных людей.

Я скороговоркой прочитал все три молитвы, которые знал, и, как ни странно, страх тотчас отступил.

Страх — отступил, скрывавшаяся в ночи тварь — нет. Теперь уже совершенно явственно хрустнула дверь, и сразу зашуршала посыпавшаяся с косяка цементная крошка.

— Что это? — испуганно прошептала Катя.

И словно истеричные нотки в ее голосе заставили ночного охотника позабыть об осторожности, — резко переломился просунутый в ручку брус. Дверь с грохотом распахнулась, а стоило ворвавшемуся в нее ветру сбить неровное пламя костра, как следом с улицы проскользнула непроглядная тьма.

Тьма и нечто, скрывавшееся в ней.

Страх немедленно лишил сил, заткнул рот, сбивчиво зашептал на ухо успокаивающе-гаденькое: «Сиди спокойно, не дергайся, и, возможно, оно выберет не тебя»...

Не меня? Я ощутил тепло прижавшейся девушки и вдруг понял, что не хочу ее терять. Не хочу — и точка. А еще не хочу бояться.

Так какого черта?!

И схватив гвоздодер, я со всего маху саданул железякой по тьме, выделявшейся на фоне багряных углей своей непроглядной чернотой. Раскаленный докрасна крюк вошел в

неведомую сущность, будто горячий нож в масло, и сразу взвыло так, что пыль с потолка посыпалась.

Миг спустя импровизированное оружие вырвало у меня из руки; тьма метнулась за порог; я — следом. Но не вдогонку, нет. Вылетев на улицу, я сунул в снег обожженную ладонь и в сердцах покрыл матом и саму ночь, и всех ее обитателей, вместе взятых.

Боль и выброшенный в кровь адреналин притупили страх, и обратно в билетные кассы я вернулся пусть и не гордой походкой победителя, но и не забыв прихватить валявшийся на крыльце гвоздодер с перекрученным неведомой силой крюком...

Захлопнул дверь, подкинул во вновь начавший разгораться костер едва ли не половину заготовленных на ночь дров и уселся рядом с мелко-мелко дрожавшей девушкой.

— Что это было? — тут же прижалась ко мне Катя.

— Не важно, — обнял я ее. — Не важно. Я тебя в обиду не дам. Все будет хорошо.

И все должно было быть хорошо. Только вот не было...

Вспомнилось мне это — и сразу как мороз по коже. Нет, вновь угодить в такую переделку совсем не хотелось. Дураков нет...

И, решительно развернувшись, я выбрался на берег.

— Ты чего? — удивился Владимир Николаевич.

— Сами лезьте.

— В смысле? — нахмурился куратор.

— Да я тут подумал — не стоит горячку пороть. Надо все обдумать, подготовиться нормально...

— Да нет у нас времени на подготовку! — рявкнул Шептало. — Сегодня воскресенье, тут с самого утра от народа не протолкнуться будет!

— Без оружия не полезу.

— Виталий! — обернулся Владимир Николаевич к водителю. — Неси. — А когда парень притащил обшарпанный дипломат, куратор щелкнул замками и подозвал меня: — Получи и распишись.

— Вот вы продуманные, — только и вздохнул я. Кобура, потертый ПМ, два набитых магазина. — А серебряные пули?

— Обойдешься, — ожидаемо отказал куратор. — Нет причин полагать, что они тебе понадобятся. Теперь все?

Я расписался и загнал магазин в рукоять пистолета.

— Уговорили. Иду.

— Давно бы так, — с явственным облегчением перевел дух Шептало, но тут же всполошился вновь: — Ты куда?!

— Сюда, — усмехнулся я, вытаскивая из внедорожника свой рюкзак.

— Зачем еще?

— Злые вы, уйду я от вас.

Никуда уходить я, разумеется, не собирался. Просто в рюкзаке, несмотря на его невеликие размеры, хранилась масса полезных вещей.

Пара ножей — карманная «крыса» и едва-едва уместившаяся в большом отделении мачете, медицинская струнная пила, зажигалка, магниевое огниво, фонарик, лыжная шапочка, перчатки, несколько фальшфайеров, солнечные очки, марганцовка, леска и крючки, набор антибиотиков, презервативы, увеличительное стекло, компас, перевязочный материал и тому подобные мелочи, которые в чрезвычайной ситуации могут значительно облегчить, а зачастую и спасти вашу жизнь.

Я запасливый, да. А еще немного параноик. И даже не спрашивайте, как все это хозяйство удалось пронести в самолет, хе-хе...

Положив кобур с ПМ и одежду поверх рюкзака, я подхватил свободной рукой обувь и в нерешительности остановился на берегу. Остановился, поскольку неожиданно возник вопрос морально-практического характера.

А именно: снимать трусы или нет.

С одной стороны, у нас тут дама; с другой — и хрен бы с ней: мне в мокрых трусах потом шараться вовсе не улыбается. Еще не хватало хозяйство застудить.

Колебался недолго. Разделся и, сверкая голым задом, решительно шагнул в речку. Под ногами заскользили голыши, но я и не подумал замедлить шаг — остановлюсь, и точно назад поверну. Холодно!

Вскоре дно пошло под уклон, и ледяная вода как-то неожиданно быстро добралась до пояса.

Ух! — у меня аж дыхание перехватило. Чтоб вас всех! Чтоб вас...

Стиснув зубы, зашагал дальше — главное не останавливаться! — и осклизлые камни под ногами сменились мягким песком, а поднявшаяся до середины груди вода пошла на убыль. У противоположного берега течение потянуло вбок, и постепенно я начал все больше и больше смещаться к камышам, где и было обнаружено тело.

Пробрался к нужному месту, прислушался к собственным ощущениям и...

...и не почувствовал ничего особенного! Ровным счетом ничего!

Вот ведь! Неужто зря мерз?

Черт, как же холодно!

Внимательно разглядывая обломанные спасателями, полицейскими и зеваками камыши, я выбрался на берег, и там на меня совершенно неожиданно накатило ощущение некоей неправильности. Будто мир распался на части, а я завис akurat посередине точки разлома и могу выбирать...

Выбирать? Что выбирать-то?

Сбросив непонятное оцепенение, я пробрался через кусты и вдруг ощутил присутствие разлитой в воздухе магической энергии. Немедленно заломило давным-давно сломанные ребра, скрутило правое предплечье, холодом серебра обожгли голую кожу звенья цепочки...

Я рванул прочь от опасного места, и неприятные ощущения почти сразу сошли на нет. Лишь на правой руке от запястья и до локтя налились чернотой выжженные на коже магические символы, еще минуту назад бывшие бесцветными росчерками едва заметных шрамов и татуировок.

Выскочив на небольшую полянку, я сразу кинул рюкзак с одеждой на траву, выхватил из кобуры пистолет, дослал патрон...

И лишь ощутив в руке привычную тяжесть оружия, начал понемногу успокаиваться.

Чего всполошился-то? Ну почувствовал остаточные следы магической энергии — и что с того? Обычное дело на месте недавно схлопнувшегося «окна», обычное дело...

И вместе с тем некое ощущение неправильности заставляло раз за разом прокачивать в голове ситуацию.

Что не так? Что?!

Патрон в патроннике, пистолет в руке, указательный палец у спускового крючка.

Порядок! Или нет?

Не выпуская рукоять «макарова», я кое-как просунул ноги в штанины, затянул ремень и обулся. Повертел головой по сторонам, но через густые заросли не смог разглядеть ни внедорожник, ни оставшихся на том берегу коллег. Выходит, и они меня из виду потеряли.

И это просто здорово; иначе Шептало непременно попытался бы в воду загнать. А лезть в речку по понятным причинам категорически не хотелось; более того — при одной только мысли об этом свело мошонку.

Ну, уж нет, не дождетесь.

Переборов непонятное беспокойство, я убрал пистолет в кобуру, натянул на себя футболку и достал мобильник.

Ай-ай-ай, как нехорошо — после авиаперелета телефон так и не включил!

И, послушно пиликнув, смартфон забылся мертвым сном. Все, теперь не вызвонят.

Закинув рюкзак за спину, я выбрался из кустов — нигде ни брызг крови, ни даже обычного мусора и проплешин костриц — и сразу заметил петлявшую в траве тропинку. Поднялся по ней на невысокий пригорок и оказался на краю широкого поля, на дальнем краю которого зеленели высоченные тополя. Справа тянулся заросший березами овраг, слева пятнами темной листвы выделялись посадки облепихи.

Если не ошибаюсь, напрямик до первого корпуса госуниверситета здесь минут десять идти. Вот оттуда и позвоню.

Задумчиво потеряв исчертившие правое предплечье черные ниточки ожогов, я зашагал по тропинке. Иду, а кругом — чистое благолепие. Разогретые солнцем луговые травы пахнут, кузнечики стрекочут, бабочки порхают, на прояснившемся небе не видно ни облачка.

Хорошо. Замечательно просто.

Но тут взгляд зацепился за лежавшие в траве стволы поваленных деревьев, и я в некоторой оторопи замедлил шаг.

Четыре высоченных сосны уложили крестом с направленными в разные стороны света макушками, и вот так с ходу сообразить, с какой целью это художество сотворили, не получилось. Понимаю — еще под Новый год елочку домой уволочь или сухостой на дрова пустить, но такое...

Не лень ведь сюда тащить их было!

И вновь невесть с чего стало не по себе. Словно призрачной ладонью по загривку провели. Будь волосы на голове, точно бы дыбом встали.

Заткнув край футболки за кобуру, я потрогал освобожденную от одежды рукоять пистолета и отправился дальше, уже куда внимательней прислушиваясь к собственным ощущениям. Но нет — все спокойно. Лишь легкая, едва уловимая ломота, растекшаяся по правому предплечью, намекала на то, что расслабляться сейчас никак не стоит.

А еще — в голове так и зудело: «Что-то здесь неправильно, что-то здесь не так...»

Воздух чище, дышится легче, только не в этом суть. Магический фон повышен, но это совершенно нормально, если «окно» вчера-позавчера закрылось. Правда, закрылось ли оно? Вдруг нет никакой аномалии, а есть лишь распахнутая дверь в Приграничье?

Впрочем, это и само по себе аномалия...

Решив все же не торопиться с выводами, я проверил, легко ли выходит из кобуры «макаров», и настороженно вошел в тень тополиной рощицы. Обогнул секции, оставшиеся от невесть когда и кем установленной здесь железной ограды, и подобно известному витязю оказался на распутье.

Точнее — на перекрестке, рядом с которым на небольшой прогалинке чернело свежее кострище.

Оно-то мое внимание и привлекло. Обычно люди огонь в более укромных местах разводят, а не у всех на виду...

Отломав с росшего неподалеку куста сухую ветку, я поворошил его не до конца прогоревшие угли и выкатил на примятую траву обугленный череп.

Череп, что характерно, человеческий.

Ух ты, елки-палки!

Мне с трудом удалось удержать совершенно неуместный

сейчас рвотный позыв, но, когда откопал затылочную кость и нижнюю челюсть, вновь сделалось нехорошо.

Черепушку, такое впечатление, прежде чем запечь, не только от остатков скальпа, но и от мозгов очистили. Хотя, может, это студенты с анатомическим экспонатом шутки шутили?

Шутки? В гробу я такие шутки видал...

Обошел полянку, но ни засохшей крови, ни обрывков скальпа не обнаружил.

Что хочешь, то и думай. Капец, блин...

Закатив череп в высокую траву — не тащить же с собой эту гадость! — я вернулся на тропинку и вдруг самым краешком глаза уловил резкое движение в зарослях боярышника. Резко пригнувшись, уставился на посадки, но — никого.

Померещилось? Или голову напекло?

Чертовщина какая-то...

Я медленно распрямился и неожиданно обнаружил, что пальцы отведенной в сторону руки скрючены, будто стискивают рукоять невидимого ножа. На какую-то долю мгновения даже удалось ощутить тяжесть холодного камня, а потом наваждение рассеялось, и ладонь сжалась в кулак.

Вот это номер!

«Тихо шифером шурша, едет крыша не спеша»...

Похоже, магический фон здесь куда выше, чем поначалу показалось.

Валить, валить отсюда надо!

Я попятился, и тут над зарослями боярышника с хриплым карканьем взметнулась в воздух стая ворон.

Вот ведь напугали, заразы!

Но зато теперь ясно, где тело — или тела? — лежит. Вороны известные падальщики.

Пойти, проверить?

Нет, ну его к лешему. От ненужного героизма Приграничье в первую очередь отучает. Там если кто геройствовать и начинает, то либо по-пьяному делу, либо когда совсем уж в угол загонят. Не живут там герои. Точнее — не выживают.

Да и не царское это дело; пусть специалисты в поле работают, а я им ценные указания по телефону раздавать буду. У

меня в контракте поиск приключений на свою пятую точку не прописан...

И я тихонько рассмеялся себе под нос.

Неужто поумнел? Патрульным в какие только переделки не попадал за еду практически, а тут осторожничать начал — просто караул!

А с другой стороны, как не осторожничать?

Когда тебя товарищи страхуют, а под рукой двустволка и патроны с серебряной начинкой в загашнике, — это один расклад, а когда ты один и на руках только ПМ — все в несколько ином свете видится.

Сильно мне пистолет при встрече с тем же вурдалаком поможет? Если застрелиться только, чтоб не мучиться. Да и оборотню стандартная шестиграммовая пуля как слону дробина.

Так что на фиг, на фиг...

Не забывая оборачиваться и поглядывать по сторонам, я дошел до кустов, в которые нырнула тропинка, и полез в них, раздвигая ветки руками. А когда заросли остались позади, меня как-то вдруг со всех сторон окружил город.

Через дорогу серые громады девятиэтажек и нарядная бежевая высотка, сбоку выстроенное из красного кирпича здание госуниверситета.

Студенты, машины, фонарные столбы, троллейбусные провода, отъезжающий от остановки автобус. Духота, пыль, выхлопные газы. Дышать просто невозможно.

Стою на асфальте в кеды обутый, короче говоря...

Это что получается, я прямиком на улицу Пилотов вышел? А парковка университетская куда запропала? Да и Набережную отстраивать взялись; какими такими секретными тропами мне их миновать получилось?

Ничего не понимаю.

Не понимаю? А ведь все предельно ясно...

В голове забрезжила догадка, и я вернул уже вытщенный мобильник в карман. Сначала все как следует обмозговать надо, потом куратору звонить.

Перебежав через дорогу, я по железной лестнице поднялся в расположенный на первом этаже жилого дома магазин-

чик с завлекательной вывеской «ПИВО» и с сомнением прошелся вдоль многочисленных кранов.

И в самом деле — пиво, пиво, пиво...

А мне только пива сейчас для полного счастья не хватало!

— Литр кваса, — попросил я, заметив написанный от руки ценник, и кинул на прилавок мятую сторублевку. Дождался, пока продавщица наполнит пузатую пластиковую бутылку, забрал сдачу и вышел на улицу.

Там, не спеша попивая холодный квас, я прокрутил в голове сегодняшние события, не нашел в своей теории особых изъянов и набрал куратора.

— Что значит, где меня черти носят? — возмутился в ответ на необоснованную претензию. — Я работал вообще-то! Давайте, подъезжайте за мной на Пилотов. Магазин «ПИВО» через дорогу от главного корпуса университета. Все, жду.

И ничего больше не слушая, отключился. Скинул рюкзак на газон, сам улегся рядом и, заложив руки за голову, уставился в небо.

Хоть немного дух перевести. А то чего-то вымотался, сил никаких нет...

Виталий прикатил минут через десять. Заехав прямо на тротуар, он опустил боковое стекло и усмехнулся:

— Тут одно гостеприимное заведение во дворах расположено. Не знаю, как сейчас, а раньше оно медвытрезвителем именовалось...

— Мне столько квасу не выпить. — Я поднялся с газона и подошел к автомобилю. — А остальные где потерялись?

— Дела у них, — неопределенно хмыкнул водитель и протянул руку к пузатой бутылке: — Можно?

Я разрешил; Виталий протер ладонью горлышко, хлебнул и указал на магазин:

— Здесь брал?

— Ага.

— Посмотри за машиной, — попросил он и, на ходу доставая бумажник, взбежал по гулкой лестнице.

— Не проблема.

С рюкзаком в руках я забрался на заднее сиденье, кинул полупустую бутылку под ноги и вновь набрал куратора.

— Ну и где тебя черти носили? — с ходу зарычал в трубку Владимир Николаевич.

— В смысле?

— Ты издеваешься? Четыре часа до тебя дозвониться не могли!

— Четыре часа?! По моей оценке прошло существенно меньше времени...

— Да что ты говоришь?! Ну-ка проверь!

— Сейчас. — Я посмотрел на наручные часы, перевел взгляд на экран телефона, который получал данные напрямую от мобильного оператора, и обнаружил, что «командирские» отстают на три с четвертью часа. — Блин, есть такое дело...

— Ладно, докладывай, — потребовал отчета Шептало. — У меня как раз несколько свободных минут образовалось.

Подводя стрелки часов, я вкратце рассказал о случившемся, но выводами делиться пока не стал, как не стал и отговаривать куратора, вознамерившегося отправить по моему маршруту пару человек.

Пусть пройдутся, дополнительная проверка моей гипотезы лишней точно не будет.

Тут вернулся Виталий, я принял у него пару пузатых бутылей с квасом, устроил их рядом и спросил:

— Куда сейчас?

— В институт велели, — усаживаясь за руль, ответил водитель. — Нет возражений?

— Нормально.

И мы поехали. Быстро так поехали, но нельзя сказать, чтобы очень уж весело. Виталий включил «Радио Шансон», а поскольку от большинства резидентов этой станции меня откровенно подташнивало, я вскоре не выдержал и поинтересовался:

— Слушай, у тебя Наговицына нет случаям?

— Почему нет? — И водитель вставил в магнитолау компакт-диск со сделанной черным маркером надписью «Дори-Дори».

Распластались у двери глухари,
Поохотились не зря егеря.
Одинокая свеча догорит,
Да потом ее заменит заря.
Пули бронзовой блеск,
Укороченный ствол...

Ну вот, другое дело! Насколько наших так называемых шансонье на дух не переношу, настолько Наговицын цепляется. Присутствуют у него в голосе интонации какие-то...

И, развалившись поудобней на широченном сиденье, я как-то совершенно незаметно для себя самого задремал. Все же ничто так не восстанавливает душевное равновесие, как осознание того, что с твоими проблемами придется разбираться кому-то другому...

— Приехали! — вырвал меня из полудремы голос Виталия.

Я продрал глаза и увидел, что внедорожник въехал в просторный двор, а за нами, отсекая глухую улочку, медленно закрываются автоматические ворота.

Надо сказать, само по себе здание НИИ впечатления не производило. Обычная трехэтажная коробка, втиснутая меж разделенным на офисы проектным учреждением и глухим торцом жилого дома. Внимание привлекали разве что глухой забор с пущенными поверху витками колючей проволоки да лес антенн на крыше. Ну и машины на территории во все не дешевые стояли.

Виталий загнал внедорожник на свободное место, я выбрался из салона и уточнил:

- Куда теперь?
- Оружие сдавай.
- Держи.

Вытащил из кобуры ПМ, вынул магазин, выщелкнул до сланный патрон. Вернул пистолет Виталию и взамен получил пластиковую карточку с фотографией, фамилией-именем-отчеством и институтской должностью.

— Это местный пропуск. — Водитель захлопнул дверцу, поставил машину на сигнализацию и зашагал к ближнему крыльцу. — Идем, нам сюда.

Мы поднялись по выщербленным бетонным ступенькам,

и парень, проведя собственным электронным пропуском у датчика, отпер замок. Дальше оказался небольшой тамбур, где бдительный охранник внимательнейшим образом изучил наши документы и только после этого разблокировал ведущую во внутренние помещения дверь.

— Все серьезно у вас, погляжу, — не удержался я от усмешки, поднимаясь на второй этаж.

— Выездная проверка Счетной палаты идет, вот и соблюдают инструкции от и до, — пояснил Виталий.

— Проверяют, сколько наворовали?

— Так точно.

По пустому коридору мы дошли до приемной с табличкой «Григорий Петрович Грачев, заместитель директора по транспорту», и там водитель спросил у сидевшей за столом тетеньки средних лет:

— Можно?

— Вас ожидают, — кивнула та.

Виталий приоткрыл обитую искусственной кожей дверь и заглянул внутрь:

— Не помешаем?

— Входите, — отозвались из кабинета.

Водитель пропустил меня вперед и поинтересовался:

— Владимир Николаевич, я схожу пока оружие сдать?

— Разумеется, — отпустил его Шептало и обратился к хозяину кабинета: — Григорий Петрович, это заместитель начальника нашего центра повышения квалификации. Леднев его фамилия. Он же Лед, он же Скользкий, ну да вы в курсе.

— Наслышан, наслышан. — Замдиректора по транспорту, на длинной птичьей шее которого выделялось крупное адамово яблоко, привстал из-за стола и протянул руку. — Александр Сергеевич, если не ошибаюсь?

— Все верно, — ответил я на рукопожатие.

Григорию Петровичу оказалось лет под сорок, и внешность его полностью соответствовала занимаемой должности. Этаким якобы простоватый мужичок, неотесанный, угловатый, в немного косо сидящем пиджаке и рубашке с расстегнутой верхней пуговицей. Снятый галстук обнаружился на подоконнике, и, вероятно, надевался он исключительно на время общения с ревизорами.